

Северное сияние
Остановись, мгновенье
Шипы и лепестки
Вкус счастья
Сердце красавицы
Три судьбы
Небо Монтаны
Луна над Каролиной
Ключ света
Ключ истины
Ключ доблести
Опасный след
Соперница
Драгоценности солнца
Слезы луны
Сердце океана
Сегодня вечером и всегда
Я выбираю тебя

НОРА РОБЕРТС

Любовь в вечерних
новостях

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Р 58

Nora Roberts

FROM THE HEART:
ENDINGS AND BEGINNINGS

Copyright © Nora Roberts.
This edition published by arrangement with Writer's House LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *М. Павловой*

Художественное оформление *В. Щербакова*

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Робертс Н.

Любовь в вечерних новостях / Нора Робертс ; [пер. с англ. М. Павловой]. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Нора Робертс. Мировой мега-бестселлер).

ISBN 978-5-699-64951-8

Оливия Кармайл — популярная тележурналистка и эффектная женщина — живет только работой. Испытав боль потери один раз, она отказалась от личного счастья, как ей казалось, навсегда. Начав новый проект со знаменитым журналистом Торпом, Оливия не ожидала, что так трудно будет устоять перед искушением и отвергнуть ту страсть, которую она невольно в нем зажгла...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Павлова М., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64951-8

Оливия Кармайл, журналистка, про-
бившаяся в столичное отделение Си-
эн-си из провинции, пребывала не то чтобы в
унынии, здесь этого не полагалось, но в каком-
то подвешенном состоянии. Слишком долго
среди поступающих новостей не было настоя-
щей сенсации или по крайней мере того, из
чего ее можно создать.

«Компетентные источники сообщают о ско-
ром уходе Джорджа Ларкина с поста госсекре-
таря. После тяжелой операции на сердце состо-
яние здоровья господина Джорджа Ларкина не
позволяет ему выполнять свои обязанности.

Стэн Ричардсон с места событий».

На мониторе погасли последние строчки, и
Ливи, как звали ее в телецентре многие, резко
повернулась:

— Ух ты, Брайен, это может стать главным
хитом новостей. Такого не было, пожалуй, с
прошлого октября, когда разразился скандал
с Мэллоу. Ты только представь, на место Лар-
кина по крайней мере пять претендентов. На-
чнется настоящая свара!

Брайен Джонс, афроамериканец лет тридца-
ти пяти, одевавшийся всегда броско, но со вку-

сом, работал в отделе последних новостей уже десять лет, и весьма успешно. Брайен вырос в Квинсе, но считал себя коренным вашингтонцем. Выглядел он вальяжно, взгляд с ленцой, но вид этот был обманчив.

Он пробежал глазами список новостей, которые шли в эфир.

— А тебя хлебом не корми, дай только ввязаться в хорошую свару.

— Еще бы! — азартно воскликнула Ливи и повернулась к камере, услышав контрольный сигнал.

— Президент сегодня никак не комментировал возможность замены господина Ларкина на посту госсекретаря. По мнению одного из видных государственных чиновников, главными кандидатами на этот пост являются Бомонт Делл, бывший посол США во Франции, и генерал Роберт Дж. Фицхью.

Ни с одним из них пока не удалось связаться для интервью.

— Молодой человек двадцати пяти лет был найден убитым в собственной квартире в Северо-Восточном округе Вашингтона, — перехватил инициативу Брайен.

Ливи слушала вполуха, быстро прикидывая в уме возможные шансы каждого из кандидатов. Ее выбор остановился на Делле. Его помощники сегодня дали ей от ворот поворот. Но ведь есть еще и завтра. Будучи репортером, она привыкла к беготне без результата, долгим часам ожидания и разучилась обижаться, когда

вожделенная дверь захлопывалась прямо перед носом. Но ничто на свете, поклялась она себе, не помешает ей взять интервью у Делла. Такой шанс она не упустит. Снова раздался сигнал, и Ливи повернулась к третьей камере.

В своих домах телезрители увидели голову и плечи элегантной брюнетки. Голос у нее был низкий, речь казалась неторопливой. Они даже представить себе не могли, с какой эффективностью она использовала свои минуту и пятнадцать секунд. Они видели только красивую женщину и верили в искренность ее слов, что очень важно в телевизионной игре.

У Ливи была короткая стрижка, и волосы ложились скульптурно правильными локонами вокруг тонко вылепленного лица. Глаза светло-голубые и серьезные. Взгляд — прямой. И каждый телезритель верил, что она обращается непосредственно к нему. Ее внешность и манеру находили превосходными, хотя чуть-чуть холодноватыми и строгими. Ливи устраивало положение телеинформатора в отделе новостей в паре с Брайеном. Как репортер, однако, она хотела добиться гораздо большего.

Кто-то ей сказал, что у нее «очень респектабельная внешность». Оливия действительно принадлежала к состоятельной семье из Новой Англии, училась в Гарварде и получила там ученую степень. Как говорится, все при ней. Однако ей пришлось пробиваться наверх весьма окольными путями. Работала репортером на крошечной телестудии в Нью-Джерси с мизер-

ным жалованьем, читала сводки погоды, давала информацию по купле-продаже.

Затем обычный марафон от станции к станции, из города в город — здесь чуть больше денег, там чуть больше эфирного времени. Наконец она осела в Остине, в одном из отделений Си-эн-си, и за два года добралась до места вездущей теленовостей. Тут была капелька везения — награда за труды. Ей предложили вести новости в вашингтонском отделении Си-эн-си, округ Колумбия. О, можете не сомневаться, она ухватилась за это предложение обеими руками. Ее ничто не связывало ни с Остином, ни с каким-либо другим городом в необъятной Америке.

Ливи хотела сделать себе имя, и Вашингтон был для этого самым подходящим местом. Она не гнушалась черной работы, хотя ее хрупкие, узкие кисти и тонкие пальцы выглядели так, будто привыкли иметь дело только с нарядами и драгоценностями. Кроме кожи цвета сливок и патрицианских черт несколько надменного лица, она обладала живым, цепким, острым умом. Она обожала скоростной темп новостей, но сохраняла при этом невозмутимый, отстраненный вид. Последние пять лет Ливи работала день и ночь, чтобы сделать видимость реальностью.

«В двадцать восемь лет, — сказала она себе, — можно покончить с сердечными бурями». Ей нужен только профессиональный успех. Друзья, которые у нее появились за пол-

тора года работы в Вашингтоне, имели самое смутное представление о ее прошлой жизни. Свои личные проблемы Ливи держала за семью замками.

— С вами была Оливия Кармайкл, — произнесла она в камеру.

— И Брайен Джонс. Оставайтесь на нашем канале. Новости со всего мира от Си-эн-си. — Быстро отзвучала музыкальная заставка, красная лампочка на камере погасла. Ливи отколола микрофон и встала из-за полукруглого стола, за которым они читали новости.

— Классное шоу, — заметил оператор, когда она проходила мимо. Над головой погасли слепящие жаркие лампы. Ливи улыбнулась. Улыбка всегда преображала ее холодную, лощеную красоту. И она это частенько использовала с немалой выгодой для себя.

— Спасибо, Эд. Как твоя девушка?

— Готовится к экзаменам. — Эд стащил с головы массивные наушники. — Так что времени для меня у нее остается не слишком много.

— Зато будешь ею гордиться, когда она получит аттестат.

— Ага. Да, Ливи... — Он несколько смутился. — Знаешь, она просила меня узнать... — Эд от неловкости как-то сбился и замолчал.

— О чем?

— У какого парикмахера ты причесываешься? — выпалил он и, отвернувшись, стал протирать камеру. — Ну сама понимаешь, женский пол...

Ливи засмеялась и похлопала его по руке.

— У Армана на Висконсин. Пусть сошлется на меня.

Ливи быстро зашагала вверх по лестнице и извилистыми коридорами напрямик в информационный центр. Там было шумно. На смену дневной заступила вечерняя смена.

Репортеры, расположившись непринужденно, пили кофе. Другие яростно стучали на машинках, чтобы успеть с материалами к одиннадцатичасовым «Новостям». Пахло табаком, немного потом и вечным, не переводящимся в этих стенах кофе. Телеэкраны беззвучно демонстрировали программы, идущие по всей стране. На одном из них уже светилась знакомая заставка «Новостей Си-эн-си». Ливи стремительно прошла к стеклянной перегородке офиса директора отдела новостей.

— Карл! — Она просунула голову в дверь. — У тебя найдется для меня минутка?

Карл Пирсон навис над столом, скрестив руки и уставясь на телеэкран. Очки, однако, были засунуты под пачку бумаг. На стопке файлов перед ним балансировала чашка с остывшим кофе. Между пальцами была зажата горящая сигарета. Он что-то проворчал, и Ливи вошла, зная, что ворчанье означало согласие.

— Хорошее шоу, — сказал он, не сводя взгляда с двенадцатидюймового экрана. Ливи села и стала ждать, когда начнется рекламная пауза. До нее доносился скрипучий, жесткий голос Харриса Макдауэлла, нью-йоркского бос-

са Си-эн-си. Вряд ли Карл услышит ее, когда говорит тяжелая артиллерия.

Оливия знала, что Карл и Харрис когда-то работали репортерами в Канзас-Сити, штат Миссури. Харрису Макдауэллу поручили сделать репортаж о президентской поездке по Далласу в 1963 году. Он оказался в нужное время в нужном месте. Его сообщения об убийстве Кеннеди вознесли Макдауэлла из сравнительной безвестности к самым вершинам. А Карл Пирсон оставался по-прежнему крупной рыбой в тихих заводях штата Миссури. Позже он сменил блокнот репортера на письменный стол в Вашингтоне.

Карл был суровым шефом, точным и неукоснительно требовательным. Если он и ощущал горечь по поводу неудавшейся репортерской карьеры, то скрывал это вполне успешно. Ливи его уважала, более того, она его понимала. Сколько разочарований довелось испытать ей самой, кладя жизнь к ногам Ее Величества Сенсации. Мечты о головокружительной славе удачливого репортера — это почти болезнь. Она заразна и неизлечима.

— Что у тебя? — спросил Карл сразу же, как началась реклама.

— Я хотела бы устроить охоту на Бомонта Делла. — Ливи решила брать быка за рога, не тратя времени на предисловия. — У меня уже немало материала на его счет, и, когда его назначат госсекретарем, я хотела бы первой все это озвучить.

Карл, откинувшись назад, сложил руки на брюшке. Лишние пятнадцать фунтов веса он брюзгливо относил за счет того, что слишком много времени проводит за письменным столом. Взгляд, брошенный им на Ливи, был так же прям и бескомпромиссен, как если бы он смотрел на телеэкран.

— Немного забегаешь вперед, а? — сказал он хриплым от многолетнего беспрестанного курения голосом. Он зажег новую сигарету, хотя предыдущая еще тлела в переполненной пепельнице. — А что насчет Фицхью, Дэвиса и Албертсона? Они еще могут поспорить за место с Деллом. А кроме того, Ларкин, по-моему, не объявил о своей отставке официально.

— Но это вопрос нескольких дней, возможно, даже часов. Ты же слышал приговор врача. И преемником будет Делл, я уверена.

Карл чихнул и потер пальцем переносицу. Он всегда ценил интуицию Кармайкл. У нее, несмотря на вид владелицы замка, ум был пронзительный и весьма практический. Но у Карла был небольшой штат, а бюджет напряженный. Он не мог позволить себе послать своего лучшего репортера на черновую работу, когда можно приставить к этому делу кого-нибудь еще.

И все же... С минуту он колебался, потом снова наклонился вперед.

— Да, возможно, дело стоящее, — пробормотал он, — давай послушаем, что на этот счет думает Торп. Как раз сейчас его выступление.

Ливи зашевелилась в кресле, одно это имя вызывало в ее душе бурю протеста. Значит, судьба ее идеи, заметьте, ее собственной идеи, зависит от позиции Торпа, известного всем Ти Си Торпа, который давно уже был ей поперек горла.

— А, черт! — шепотом выругалась Оливия. Но всякие мелочи вроде оскорбленного самолюбия Карл в расчет не принимал. Поэтому она встала, присела на край его стола и замерла в ожидании. «Терпение, знаете ли, не последняя добродетель в нашем деле», — подумала она.

Над ее головой с экрана вещала вашингтонская студия, куда более эффектно оформленная, чем та, которую она только что оставила. Но, согласитесь, разница между местным и федеральным телевидением — это, по сути дела, разница между местным и федеральным бюджетами. Вот наконец местные новости и сам Ти Си Торп. Ливи стала хмуро его разглядывать.

Пальто у него не застегнуто, несмотря на пронизывающий холодный ветер. Шляпы, конечно, тоже не было. Мужественный Торп во всей красе, что, впрочем, для него типично.

Лицо обветренное, загоревшее, словно у альпиниста, и стремительное, поджарое тело бегуна на дальние дистанции. Надо признать, что профессия репортера требует не меньшей выносливости. А Торп был репортер милостью божией. Его темные пронзительные глаза впи-

вались в собеседника и не отпускали его. Даже дурная погода была ему на руку. Это как бы придавало сообщению неотложную срочность. Манера говорить у него оставалась четкой и неторопливой. На него работало буквально все, и с гораздо большим успехом, чем на других.

Ливи знала, что это человек огромного внешнего обаяния. Его лицо одинаково нравилось и женщинам, и мужчинам. Взгляд внушал доверие. Торп на первый взгляд был прост и понятен, и телезрители охотно прислушивались к тому, что он говорил, пребывая в полной уверенности, что если мир начнет рушиться, то Торп сообщит об этом первым, ничего не скрывая.

За пять лет работы главным корреспондентом в Вашингтоне Торп создал себе завидную репутацию. У него было два главных достоинства: надежность и возможность добывать информацию. Если их у тебя нет — ты не репортер. Когда Торп что-нибудь говорил, этому можно было верить. Если Торпу была нужна информация, он знал, по каким номерам звонить.

Неприязнь Ливи к нему была инстинктивной. Она специализировалась на горячих политических новостях для местного телевидения, Торп был для нее вечным камнем преткновения. Он с яростью сторожевого пса охранял границы своей территории. Торп был коренным вашингтонцем, Оливия все еще пребывала новичком. Каждый раз неизбеж-

но повторялось одно и то же: как только у Ливи наклеивался сенсационный материал, выяснялось, что Торп только что выдал нечто аналогичное. Работоспособность и чутье у него были уникальные.

Ливи потратила месяцы, чтобы нащупать какое-нибудь его слабое место. Черт возьми, приходилось признать, что время ушло впустую.

Одевался он скромно, никогда ничем не отвлекая внимания телезрителя от информации. Его репортажи отличались и глубиной, и язвительностью, но при этом всегда сохраняли объективность. В стиле его работы невозможно было отыскать ни одного изъяна. Ливи могла поставить ему в упрек только некоторое высокомерие, и то тут можно было поспорить.

Сейчас она смотрела, как Торп стоит на фоне ярко освещенного Белого дома и рассказывает миллионам телезрителей о Ларкине. Было совершенно ясно, что Торп беседовал с Ларкином лично, чего Ливи не удалось. А усилия были приложены немалые. Уже одно это было ей против шерсти. Торп перечислил всех кандидатов на освобождающуюся должность. И первым он назвал Делла.

Ливи нахмурилась, а Карл удовлетворенно кивнул за ее спиной: «Да, у нее есть нюх».

«Передачу вел Ти Си Торп, Белый дом, Вашингтон».

— Скажи в отделе, что я дал тебе задание, — важно провозгласил Карл и жадно затянулся в последний раз. — Бери команду номер два.